

ИДЕАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Е.Ф. Казаков

Кемеровский государственный
университет,
Кемерово, Россия

kemcitykazakov@mail.ru

На примере эволюции образа совершенного человека в статье исследуется роль общественно-го идеала в истории. Идеал понимается как образ должного, позволяющий оценить сущее и задать направленность его развития. Стремление к идеалу – сущностная интенция человека, необходимая для его вочеловечивания, предстает одной из движущих сил истории. Каждая историческая эпоха конструирует свой образ совершенного человека и стремится приблизиться к нему. Представления о совершенном человеке формировались на протяжении всей истории, в чем выражает себя permanently присущее человеку чувство неудовлетворенности собой (и миром) и нереализованности своей сущности, интенция к обретению собственной глубинной идентичности. Первым «совершенным человеком» был зверь. Если в первобытности побеждается внешний зверь, то в Античности – внутренний. Возникает первый кризис самоидентификации как следствие неадекватной самооценки («человек как мера всех вещей»). «Совершенным человеком» Средневековья выступает Бог. Если зверь оказывается в недостижимом прошлом, то Бог – в недостижимом вечном. Возникает второй кризис самоидентификации. В Новое время совершенным человеком становится человек. Начинает доминировать представление о совершенстве (как реальной возможности), заключенном в самом человеке. Однако лишение человека метафизичности приводит к третьему кризису самоидентификации. В Новейшее время «совершенным человеком» всё более предстает машина как «человек», лишенный человеческих слабостей и с усиленными человеческими достоинствами. Уподобление человека машине приводит к четвертому кризису самоидентификации. «Новым идеальным человеком» будет человек как неповторимый итог развития всей человеческой культуры, синтез уникального и всеобщего.

Ключевые слова: человек, идеал, совершенный человек, зверь, Бог, машина, кризис самоидентификации.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-4.1-40-48

Идеал есть образ совершенного, должного (в том числе трансцендентного), позволяющий оценить сущее и задать направленность его развития. Стремление к идеалу – сущностная интенция человека, необходимая для его вочеловечивания. «При отсутствии веры в идеал мы опускаемся до звероподобного бытия, в котором все позволено, или впадаем в равнодушную лень» [5, с. 192]. Проблемы общественного идеала и его развития в исто-

рии исследовались в философии отечественной (Н.А. Бердяев, В.В. Зеньковский, Э. Ильенков, И. Ильин, М. Калашников, В. Ленин, К. Леонтьев, П.И. Новгородцев, П. Сорокин, В.С. Соловьев, С.Л. Франк, Л.Н. Толстой, Н.О. Лосский, Г. Флоровский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев, П. Сорокин) и мировой (А. Бергсон, М. Вебер, Н. Гартман, Г. Гегель, И. Кант, О. Конт, К. Маркс, Ж.-Ж. Руссо, Г. Спенсер, К. Ясперс, К. Мангейм, А. Тойнби, М. Шелер,

Хосе Ортега-и-Гассет, П. Тейяр де Шарден, К. Юнг) [2, с. 3–4; 7, с. 309–310; 8, с. 4–6].

Эволюция общественного идеала предстает одной из движущих сил истории, что мы и рассмотрим на примере образа идеального (совершенного) человека. Совершенный человек – один из значимых модусов общественного идеала, образец для подражания, базирующийся на духовных ценностях, характерных для определенного этапа истории. Идеальная сверхзадача исторической деятельности – «изобрести человека» [10, с. 334] и приблизиться к нему. Представления о совершенном человеке формировались на протяжении всей истории, начиная с глубокой древности, в чем выражает себя permanently присущее человеку чувство неудовлетворенности собой (и миром), чувство нереализованности своей сущности, интенция к обретению собственной глубинной идентичности.

Смысл истории предстает как поиск человеком своей идентичности. Вначале человек ищет себя в ином (звере, природе, космосе, духах, Боге, прошлом), меряя себя по иному (иное – «мера всех вещей», и меня в том числе). Логика истории человеческого самообнаружения развертывается от внешнего к внутреннему, от иного – к своему. Самоопределение своего невозможно без самоотличения от иного. Человек начинает с самосопряжения, включающего отличие и отождествление своего и иного, что одновременно является и самоопределением своего. Затем человек начинает мерить иное по себе: я/мое/моя сакральность – мера всего иного, «всех вещей». Человек пытается дополнить свое совершенство иным, продуцируя свое иное (и иное свое) за «границы» себя, тем самым усиливая, усвершенствуя себя [4, с. 190–227].

В развитии представлений о совершенном человеке (учитывая, что изначально образ «совершенного человека» гетерогенен) можно выделить четыре магистральных этапа.

Первым «совершенным человеком» был зверь. В первобытности происходит фетишизация зверя: зверь – прародитель человеческого вообще и «моего» рода в частности. Остаточными явлениями этого предстанут теоантропозооморфные полубоги/полулюди/полузвери Древнего Востока и Античности. Существует ряд совершенных палеолитических образов зверя (см., например, изображение «раненого бизона» в пещере Альтамира в Испании), но нет подобных совершенных образов человека. Совершенно изобразить можно только совершенное; совершенно изобразить несовершенное невозможно. Отметим, что образы зверя здесь олицетворены, психологичны, т. е. более очеловечены, чем образы человека. Тем самым зверь оказывается более человеком, чем сам человек. Человеческое раньше актуализируется в ином, нечеловеческом, чтобы затем, «рефлексируя вовнутрь», экстраполировать человеческое из иного в свое. Так красиво изобразить зверя (см. изображение «пасущегося оленя» в пещере Фон де Гом во Франции) можно было, лишь испытывая к нему чувства восхищения и даже, может быть, любви.

Человек соединяется со зверем, т. е. с совершенством, чтобы стать совершенным (антропозооморфные фигуры). Чтобы самоутвердиться, человек ведет свою историю от зверя, находя в нем поддержку, защиту, опору, вдохновляясь его силой, мощью и властью, укорененностью в мире. Человек «вскармливает» свое тело телом зверя, свою силу – силой зверя. Данная тенденция находит свое продолжение и в ан-

тичной истории. Постепенно происходит исход из/от зверя, победа над ним, его преодоление (идеал превосходит и остается в прошлом). Чтобы стать совершенным, надо обрести достоинства зверя, преодолеть его слабости и актуализировать в себе те достоинства, которых у зверя нет. Итог: человек как «лучше-чем-зверь». Начальная архаика (первобытность) есть победа над зверем во вне (укрощение, приручение внешнего зверя). Зрелая архаика (античность) есть победа над зверем внутри: укрощение, социализация, «стерилизация», окультуривание внутреннего зверя – превращение физической плоти в одухотворенное тело.

Античное тело человека «победило» плоть зверя не физической силой, а одухотворенной совершенностью. Другими словами, физическое тело побеждается метафизическим (целомудренность здесь предстает как синоним метафизичности). Метафизическое тело – это уже не тело как таковое (физическое, как организм), это душевно-духовное тело. Античность, как и первобытность, сохраняет явно выраженный, телесный характер культуры, но античное тело – это уже тело души и всё более пробуждающегося духа.

Итак, в первобытности человек несамодостаточен, зависит от зверя, природы, духов, другого человека, рода в целом. Отсюда его представление: я меньше, слабее иного; я – почти что ничто. В это время человек адекватен себе – это необходимость, вынужденное условие выживания в экстремальной среде. В период Античности утверждается самодостаточность натурального хозяйства, полиса, человека, бога: статуи богов и людей никуда не смотрят, не идут; они одиноки, завершены, совершенны, ни в ком не нуждаются. Утверждается самодостаточность и богов, и людей. Эпикур про-

возгласил: боги сами по себе, люди сами по себе. У человека складывается представление: я – всё, я – мир, вселенная. Возникает первый кризис самоидентификации: неадекватная (завышенная) самооценка – следствие заземления высшего мира, богов. Чтобы обожествить человека, надо очеловечить богов. Надо очеловечить космос, чтобы сам человек предстал космосом (осуществляется перманентно-тотальная антропоморфизация). Происходит постепенное движение от внешнего стандарта совершенства к внутреннему: от сравнения себя с иным к сравнению себя как возможности, как прошлого с собой как актуальностью, как настоящим-будущим.

«Совершенным человеком» Средневековья выступает Бог. Одним из знаковых моментов кульминационного события христианской истории – голгофской жертвы Спасителя – предстает распятие на кресте тела Христа (душу никто и ничто распять не может). Тело Христа умирает, воскресая на третий день не в физическом, а уже в своем метафизическом облике. Распятие тела, смерть тела предстает здесь знаковым событием, знаменуя конец истории тела, ставя финальную точку в доминанте физического мира, проводя демаркационную линию между теряющей господство историей тела и обретающей ведущую роль историей души. Средневековое тело «спряталось», «растаяло» за одеждой; и во всей своей красе открылся бесконечно одухотворенный лик. Дух вырывается, освобождается из тела, обретая самодостаточность и свободу (понятно, что тело не умирает в прямом смысле слова, а лишь «уходит в основание» души). Одним из самых значительных образов, запечатлевающих торжество духовного бытия, предстает икона Владимирской Божьей Матери, для

которой всё человечество – дитя («под фелулой церкви верующий всю жизнь оставался ребенком» [3, с. 549]). Что бы ни изображалось на иконе, она запечатлевает духовное небо, открытую нам (в нас) бесконечность...

«Круги рая» оказываются в христианском представлении ступенями восхождения к всесовершенному Богу, а «круги ада» – ступенями нисхождения от Него – к «асовершенному» Люциферу. Логику рождения этого идеала раскрывает Л. Фейербах в «Сущности христианства»: «не Бог создал человека, а человек создал Бога, вложив в него все лучшие свои качества» [12, с. 56]. Фейербах не совсем точен: в образе Бога человеческие совершенства (мудрость, мораль, преобразующая деятельность) возведены в абсолютную, *сверх*человеческую степень (всемогущество, всеблагодать, всезнание, вездесущность). Поэтому и редуцировать образ Бога к образу человека (т. е. возратить «божественные совершенства» обратно в человека, как предлагает Фейербах) невозможно. Бог предстает «сверхсовершенным человеком». «Разрыв» между Ним и человеком настолько беспределен, что восхождение к Нему предстает в конечном счете преодолением человеком своей природы, редуциацией человеческого в человеке («слабости» человека есть выражение не только его несовершенства, но и его собственно человеческой сущности).

Этот «несоизмеримый разрыв» Божественного всесовершенства и человеческого «совершенства/несовершенства» в определенной степени преодолевает Христос, будучи и Сыном Божьим, и Сыном Человеческим. В Его образе божественное и человеческое оказываются в пределах видимости, взаимодостигаемости, слиянности. Поэтому он и смог стать действительно идеа-

лом для совершенствования человека (свидетельством тому не только святые праведники, но и «живущие во Христе» миряне; их противоположность – нехристи, нелюди, душегубы). Человек может, как Христос, накормить голодного, защитить обиженного, исцелить немощного, но не может утишать бури и воскрешать мертвых. Л.Н. Толстой в статье «Царство Божие внутри вас» делит заповеди Христа на «минимум» (достижимые человеком, например, «не отвечай злом на зло») и «максимум» (недостижимый им, например, «возлюби врага своего») [11, с. 111]. То есть в образе Христа, Его заповедях также есть недостижимый человеком духовно-физический идеал – абсолютная нравственность, воскрешение в новой бессмертной плоти. Образ Христа предстает как достижимая недостижимость, как близкая божья даль.

Восхождение к Богу как абсолютной истине, абсолютному благу, абсолютной красоте – вечное становление, никогда не достигающее конечной цели. Человек есть вечный «путь», и никогда – завершённый итог. Каждый шаг к Богу приближает к Нему и открывает новый взгляд на расстояние до Него. Восхождение к Богу – это превращение не только телесности человека в метателесность, но и превращение всего человека в метачеловека, «смена основания» в его эволюции. Планка Божественного совершенства поднята на недостижимую высоту, на этом фоне человек перманентно несовершенен, он – вечный грешник, «ходячий метакризис». Возникает второй кризис самоидентификации – амбиполярная (заниженно-завышенная) самооценка: с одной стороны, я – вечный грешник; с другой – во мне образ Бога, я – Его сын. «Полюса» самооценки расходятся до «зашкаливания», примиряясь лишь в образе Хри-

ста. Отсюда – предельная неустойчивость души-психики человека, метания от греха к святости (Оптий – «разбойник-святой», И. Грозный – «душегуб-покаянник», Г. Распутин – «святой чёрт»), экзальтации-психозы («охота на ведьм», костры и тюрьмы инквизиции). В Средневековье человек оказывается в междуидеалии: зверь – в недостижимом прошлом, Бог – в недостижимом будущем-вечном.

В Новое время совершенным человеком становится Человек. Начинает доминировать представление о совершенстве как реальной возможности, заключенной в самом человеке, в его огромном потенциале, его талантах, божественной силе интеллекта, посредством которого он может раскрыть все тайны, без обращения к религии и образу Бога, к метафизической реальности вообще (попытка чего была предпринята в создании Энциклопедии), его способности кардинально преобразовывать мир. Человеческому разуму была приписана способность постигать любую истину, целеполагать, упорядочивать хаос бытия, разумно организовывая мир явлений. Показательно, что если головы святых в средневековых образах всегда склонены, что символизирует смирение человека перед волей Бога, то в ренессансных образах у человека гордая, прямая посадка головы, символизирующая его самоуверенность и самодостаточность. Для человека нет ничего невозможного. Он – «ничто» (как потенция), способное превратиться во «всё» (как актуальность). «Человек может то, что он должен» [13, с. 346]. С помощью науки, через просвещение он станет «господином и повелителем природы», способным прочесть Книгу Её Тайн. Совершенный человек данной эпохи – гений, разгадывающий тайны бытия, творец, созидающий соб-

ственную жизнь, деятельный человек, всем обязанный самому себе, могущий и должный духовно и физически бесконечно самосовершенствоваться.

В Новое время осуществляется попытка актуализировать собственно человеческое: и не звериное (природное), и не божественное (сверхдуховное). Человек ищет себя вне Бога и вне зверя, открывая-созидая собственную «срединную» реальность и наполняя ее собой. Природа, живая и мертвая – не «со мной», а сама по себе; в лучшем случае – материал, «мастерская», объект, «фон» для «меня». Человек соотносит себя с собой, стремясь превзойти себя, актуализировать собственное совершенство без выхода в метачеловеческое. «Свято место пусто не бывает», и человек, лишивший метафизичности себя и природу, «убивший» метафизического Бога, вольно или невольно дерзает занять Его место. Совершенный человек в результате предстает сверхчеловеком (человекобогом, «физическим богом»). Рождается пантеон «земных богов» – выдающихся первооткрывателей, мыслителей, полководцев, правителей.

Происходит третий кризис самоидентификации: потеряв свою метафизическую составляющую, соизмеримость с Божественным, человек «заземлился», ограничился дольным бытием (редукция мироздания предстает как редукция человека). Утверждается самодостаточность человека внутри земного бытия, удовлетворенность земным в себе и снаружи; актуализируется частичный человек, при этом воспринимающий себя как целостного, самодостаточного и совершенного. Отсюда – попытки компенсации, дополнения своей частичности до квазицелостности вещами, властью, богатством, «улетом» от действительности, погружением в иллюзорные миры барокко-

рококо. Но человек – существо с «метафизическим дыханием», открытое имманентному и трансцендентному, поэтому потеря метафизического – это потеря собственно человеческого. Человек потерял «точку опоры» в природе и Боге, но и не обрел ее в себе: физические миры в отличие от метафизических – «зыбучие», «проваливающиеся под ногами». Человек, вынужденный («по-просветительски») искать опору лишь в себе, теряет ориентацию в мире, способность самоидентификации.

В Новейшее время «совершенным человеком» всё более предстает машина. Для машины характерна абсолютная функциональность, выносливость, неприхотливость, сила, депезивизма, в ней нет ничего лишнего, бесполезного. Она превосходит человека по всем «рабочим» параметрам и для позитивистско-прагматически настроенного человека предстает как безусловный идеал. Машина – «человек», лишенный человеческих слабостей, с усиленными до почти «божественной» недостижимости человеческими достоинствами. Машина предстает как «сверхчеловек», как «новый Бог», в которого, как в «старого Бога», по логике Л. Фейербаха, человек вложил свои лучшие качества. Машина выступает первым искусственным совершенством («искусственным Богом»), целиком созданным умом и руками человека, не существовавшим до него и не способным существовать без него. Если зверь существует вне человека и возникает до него, если Бог изначален, если потенциал человека (как считали просветители) вложен в него природой от рождения, то машина есть проекция человеком себя вовне. Фетишизируя машину, человек объективирует (вплоть до отчуждения) себя, свою сущность, отделяя ее от себя, своего существования.

«Машина приноравливается к слабости человека, чтобы превратить слабого человека в машину» [6, с. 178]. Сначала машина ориентировалась на человека (органопроекция), затем человек ориентируется на машину, вольно или невольно подражая ей (человек как машинопроекция). Бесполоя машина инициирует бесполого человека (унисекс); движения автомата копируются в движениях человека (дабстеп); «механические» ритмы задают ритмы современной музыки (техно-поп); утилитарность станка и робота «заражает» утилитарностью человека (прагматизм, инструментализм, человек как функция, «винтик», актер, скриптор, трудоголик, киборг).

Человек рождает «детище», которое способно не только восхищать, но и «пожирать» своего родителя. Машина лишена человеческих недостатков и слабостей, а человеческие достоинства в ней усилены и суммированы с собственными достоинствами машины, что превращает во всё менее достижимый для человека идеал. Относительно машины, становящейся всё более «совершенным человеком», человек становится всё менее совершенной, «плохой» машиной. Если ко всем предыдущим идеалам человек худо-бедно приближался, то от этого последнего он всё более отдаляется: будучи «рабом Бога», человек восходил к Нему; став «рабом машины», он нисходит от неё. Омашинивание человека есть одновременно его расчеловечивание. Чтобы стать совершенным, как машина, надо «превзойти» себя (т. е. преодолеть собственно человеческое) – потеряв себя. Развертывается четвертый кризис самоидентификации: соотносить себя с собственной копией (как со своей тенью, занявшей твой трон) – контрпродуктивно.

«То, что ищет совершенный человек, находится внутри него...» (Конфуций), в его латентно целостной, «всёшней» сущности. Для интегрального, мультисущностного человека необходим мультисущностный идеал. Идеал должен включать в себя возможность развития человека «во все стороны» (человек, «бегущий во все стороны – к себе»). Адекватным «всеединному» миру предстает лишь «всеединный» человек. Если «общее» (религиозное, этническое) и «особенное» (родственное, семейное) сейчас достаточно актуализированы, то «единичное» (индивидуальное, личностное) и «всеобщее» (общечеловеческое, общекультурное) проявлены гораздо меньше. Одна из насущных задач – актуализировать «полюса» человеческого бытия, соединить их друг с другом. Каждый человек в идеале должен предстать *неповторимым итогом развития всей человеческой культуры: «единичностью»,* в которой сфокусировано «всеобщее»; «каплей», в которой не отражается, а пребывает «океан вселенной», всё мироздание. «Новый идеальный человек» предстанет уникальным итогом-синтезом онтогенеза и филогенеза (развития семьи, этноса, мировой культуры).

Итог эволюции мироздания не только человечество, но и каждый человек, каждое «я». Глобализация – в конструктивной своей части – движется в этом направлении. Мы переживаем объективный процесс повышения степени открытости государств, этносов, активизацию (во многом вынужденную и выстраданную) диалога культур, диалога «всех со всеми». «Новый совершенный человек» – это соборный человек, человек как человечество, мироздание. Важнейшая задача – актуализация всеобщего в каждом человеке вместе с актуализацией его уникальности. «Новый идеальный человек» – синтез уникального и всеобщего.

Литература

1. *Амелина Е.М.* Общественный идеал в философии всеединства: (от Вл. Соловьева к С.Л. Франку). – М.: Е. Разумова, 2000. – 252 с.
2. *Билаинова М.Ю.* Проблема идеала как общественной ценности и ее отражение в русской философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – М., 2001. – 26 с.
3. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
4. *Казаков Е.Ф.* Душа: метафизика самоопределения. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2014. – 249 с.
5. *Карсавин А.П.* Восток, Запад и русская идея // Русская идея и современность. – М.: АКИРН, 1992. – С. 177–216.
6. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1974. – Т. 42. – С. 41–174.
7. *Меликян М.А.* Философские версии совершенного человека // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 5. – С. 309–312.
8. *Омарова З.У.* Формирование общественно-идеала в социально-историческом развитии: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Махачкала, 2004. – 23 с.
9. *Остапенко М.А.* Образ совершенного человека в православной антропологии: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Екатеринбург, 2002. – 20 с.
10. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.П. Сартр. – М.: Политиздат, 1989. – С. 319–344.
11. *Толстой Л.Н.* Царство Божие внутри вас // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. – М.: Гослитиздат, 1957. – Т. 28. – С. 1–294.
12. *Фейербах А.* Сущность христианства // Фейербах А. Сочинения: в 2 т. – М.: Наука, 1995. – Т. 2. – 425 с.
13. *Фихте И.* Факты сознания; Назначение человека; Наукоучение. – М.: АСТ, 2014. – 784 с.

THE PERFECT MAN AND IDENTITY CRISIS**E.F. Kazakov**Kemerovo State University,
Kemerovo, Russian Federation
kemcitykazakov@mail.ru

The article examines the role of a social ideal in history on the example of evolution of the perfect man image. The ideal is understood as a due thing, which allows to assess the present existing nature and to determine the direction of its development. Aspiration to the ideal, which is an essential intention of a person necessary in acquiring ideal traits of a man, is one of the driving forces of history. Every historical period constructs its own image of an ideal person and strives to get closer to it. Ideas about the perfect man have been regularly formed throughout history, this fact proves that there is a permanent innate human sense of dissatisfaction with him/herself (and with the whole world), the lack of selfrealization, the intention to discover their own inner identity. The first “perfect man” was a beast. In the primitive societies people conquered the “outer” beast, in Antiquity – the “inner” one. There appeared the first identity crisis as a consequence of inadequate self-esteem (“man as the measure of all things”). God was a “perfect man” of the Middle Ages. If a beast turns out to be in the inaccessible past then God is in the eternal unattainable future. So, the second identity crisis comes into existence. A Man becomes an ideal in Modern Times. There appeared a concept of a perfect man (as a real possibility). However, depriving a person of metaphysics leads to the third identity crisis. Nowadays the “perfect man”, increasingly, appears to be a machine resembling a “man”, devoid of human weaknesses with improved human qualities. The analogy between a human and a machine leads to the fourth identity crisis. “The new perfect man” is a man as a unique result of the development of all human culture, the synthesis of the unique and the universal.

Keywords: the Man, ideal, perfect man, beast, God, machine, self-identity crisis.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-4.1-40-48

References

1. Amelina E.M. *Obsbchestvennyi ideal v filosofii vseedinstva: (ot V.I. Solov'eva k S.L. Franku)* [Social ideal in the philosophy of unity]. Moscow, E. Razumova Publ., 2000. 198 p.
2. Bilaonova M.Yu. *Problema ideala kak obsbchestvennoi isennosti i ee otrazhenie v russkoi filosofii*. Avtoref. diss. kand. filos. nauk [The problem of the ideal as social values and its reflection in Russian philosophy. Author's abstract of PhD in Philosophy diss.]. Moscow, 2001. 26 p.
3. Herder J.G. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas to the philosophy of history of humanity]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 703 p. (In Russian).
4. Kazakov E.F. *Dusha: metafizika samoopredeleniya* [Soul: the metaphysics of self-determination]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 2014. 249 p.
5. Karsavin L.P. *Vostok, Zapad i russkaya ideya* [East, West and Russian idea]. *Russkaya ideya i sovremennost'* [Russian idea and modernity]. Moscow, AKIRN Publ., 1992, pp. 177–216.
6. Marx K. *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic and philosophic manuscripts of 1844]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1974, vol. 42, pp. 41–174. (In Russian).
7. Melikyan M.A. *Filosofskie versii sovershenogo cheloveka* [The philosophical version of the perfect man]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* – *Historical and social-educational idea*, 2013, no. 5, pp. 309–312.
8. Omarova Z.U. *Formirovanie obsbchestvennogo ideala v sotsial'no-istoricheskom razviti*. Avtoref. diss. kand. filos. nauk [The formation of social ideal in the socio-historical development. Author's abstract

of PhD in Philosophy diss.]. Makhachkala, 2004. 23 p.

9. Ostapenko M.A. *Obraz soversennogo cheloveka v pravoslavnoi antropologii*. Avtoref. diss. kand. filos. nauk [The image of the perfect man of Orthodox anthropology. Author's abstract of PhD in Philosophy diss.]. Ekaterinburg, 2002. 24 p.

10. Sartre J.-P. Existentialism is a humanism. *Sumerki bogov* [The twilight of the gods]. F. Nitsche, Z. Freid, E. Fromm, A. Kamyu, Zh.P. Sartre. Moscow, Politizdat Publ., 1989, pp. 319–344. (In Russian).

11. Tolstoi L.N. Tsarstvo Bozhie vnutri vas [The Kingdom of God is within you]. L.N. Tolstoi.

Polnoe sobranie sochinenii. v 90 t. [Complete works: in 90 vol.]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957, vol. 28, pp. 1–294.

12. Feuerbach L. Sushchnost' khristianstva [The essence of Christianity]. Feuerbach L. *Sochineniya*. V 2 t. T. 2 [Works. In 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1995. 425 p. (In Russian).

13. Fichte J. *Fakty soznaniya; Naznachenie cheloveka; Naukouchenie* [The facts of consciousness. The destiny of man. Naukovej]. Moscow, AST Publ., 2014. 784 p. (In Russian).